УДК 94(47).082/083

Межведомственное взаимодействие в этноконфессиональной политике Российской империи в эпоху К.П. Победоносцева (1880–1905 гг.)

Антон Е. Фатеев
Роосийский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, fant2507@gmail.com

Аннотация. В статье проводится анализ взаимоотношений представителей разных государственных ведомств (Святейшего Синода, Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения, губернаторской власти) в сфере управления имперским многообразием России рубежа XIX–XX столетий. С одной стороны, глава духовного ведомства К.П. Победоносцев и его соратники (востоковед и миссионер Н.И. Ильминский, архиепископ Вениамин (Благонравов)) имели собственную концепцию вероисповедной политики. С другой стороны, министры и губернаторы не всегда принимали их аргументы и их видение ситуации, руководствуясь собственными соображениями. Проблема состоит в специфике осуществления этноконфессиональной политики в условиях конфликтного межведомственного поля. Этот аспект может быть детально раскрыт на материалах источников личного происхождения (частной переписки, в т.ч. неопубликованной), ведомственной документации и публицистики. Выясняется, что столкновения по национально-религиозным вопросам представители на местах пытались решить через вышестоящие инстанции, надеясь на авторитет и влияние К.П. Победоносцева, которые они переоценивали. Кроме того, отмечается высокая роль человеческой субъективности и неформальных связей. В целом, управление имперским многообразием России в указанный период представляется столкновением нескольких экспертных групп.

© Фатеев А.Е., 2026

Ключевые слова: Российская империя, этноконфессиональная политика, К.П. Победоносцев, Святейший Синод, Министерство внутренних дел, Министерство народного просвещения, губернаторская власть

Для цитирования: *Фатеев А.Е.* Межведомственное взаимодействие в этноконфессиональной политике Российской империи в эпоху К.П. Победоносцева (1880–1905 гг.) // Молодой историк. 2026. № 3(7). С. 55–72.

Interdepartmental interaction in the ethno-confessional policy of the Russian Empire in the era of K.P. Pobedonostsev (1880–1905)

Anton E. Fateev
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, fant2507@gmail.com

Abstract. This article analyzes the relationships between the representatives of various government agencies (the Holy Synod, the Ministry of Internal Affairs, the Ministry of Public Education, and the gubernatorial authorities) in managing Russia's imperial diversity at the turn of the 19th and 20th century. On the one hand, the head of the religious department, K.P. Pobedonostsev, and his associates (the orientalist and missionary N.I. Ilminsky and Archbishop Veniamin (Blagonravov)) had their own concept of religious policy. On the other hand, ministers and governors did not always accept their arguments and their vision of the situation, guided by their own considerations. The problem lies in the specifics of implementing ethno-confessional policy in a conflict-ridden interdepartmental environment. This aspect can be explored in detail using personal sources (private correspondence, including unpublished), departmental documentation, and journalistic writings. It turns out that local representatives attempted to resolve clashes over national and religious issues through higher authorities, relying on the authority and influence of K.P. Pobedonostsev, which they overestimated. The significant role of human subjectivity and informal connections is also noted. Overall, the management of Russia's

imperial diversity during this period appears to be a clash between several expert groups.

Keywords: Russian Empire, ethnic and religious policy, K.P. Pobedonostsev, Holy Synod, Ministry of Internal Affairs, Ministry of Public Education, gubernatorial authority

For citation: Fateev, A.E. (2026), "Interdepartmental interaction in the ethno-confessional policy of the Russian Empire in the era of K.P. Pobedonostsev (1880–1905)", *Young Historian,* no. 3(7), pp. 55–72.

Империя – это управление многообразием [Иллерицкая 2023, с. 163–164]. Россия рубежа XIX–XX вв. обладала удивительной национально-религиозной пестротой. В то же время запустился процесс «национализации» империи и конструирования русской имперской нации [Миллер 2021, с. 252–254]. Самодержавие декларировало привилегии «русскости» во взаимосвязи с «господствующим» православным вероисповеданием, при этом сталкиваясь с необходимостью управления огромными массами инославного и иноверного населения. Поэтому П. Верт предлагает поместить проблему религиозного разнообразия в центр изучения имперского строя [Верт 2012, с. 6].

Чтобы поддерживать эту «цветущую сложность» в стабильности и дисциплине, власть прибегала к привычному modus operandi – этноконфессиональной политике [Круз 2020, с. 8–9, 14–15, 27; Коллманн 2023, с. 409, 660–661, 676–679]. В указанную эпоху эта сфера носила на себе отпечаток воззрений и характера обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева, который, по словам одного проницательного современника, исповедовал «идеалы нетерпимости»[1]. Зачастую все меры, предпринятые в эти годы, списывают на якобы безграничное влияние старого консерватора. Такое мнение сложилось еще у дореволюционных историков[2], его подхватили и историки

[1] Половцов А.А. Дневник. 1893–1909 / сост., коммент., вступ ст. О.Ю. Голечковой. СПб., 2022. С. 147.

[2] Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 409–410.

советские [Зайончковский 1970, с. 117–118; Литвак 1989, с. 357] [3], повторяют его и некоторые современные специалисты [Сафонов 2017, с. 54–55, 109]. Это не вполне верно. Специфика этноконфессиональной политики Российской империи состояла в том, что она лежала на перекрестке ведомств: Святейшего Синода, Министерства внутренних дел и Министерства народного просвещения, а также губернаторской власти. В исследовании имперской проблематики необходимо учитывать связь между сферой дискурса с одной стороны и областью административных институтов и их механик с другой. Как отмечал крупнейший знаток темы М.Д. Долбилов, «даже самые безумные русификаторские фантазии… должны были вводиться чиновниками в элементарные процедурные рамки» [Долбилов 2010, с. 15].

Наиболее сложные, а подчас даже напряженные взаимоотношения складывались у духовного ведомства и представителей духовенства с МВД и губернаторами. К.П. Победоносцев беспрестанно сетовал, что гражданская власть не понимает «одинаково существенные интересы церкви и государства»[4]. На сообщения об иноверческой пропаганде, беспокоившие обер-прокурора, не следовало должной реакции. «Верите ли, что теперь не с кем и говорить об этом, – жаловался он востоковеду и миссионеру Н.И. Ильминскому, – <…> В М[инистерст]ве Вн[утренних] Дел никто этого дела не разумеет. Все равнодушны»[5]. Представители низовой администрации, наиболее близкие к народным массам (участковые начальники, приставы и сельские старшины), также были, по оценке консервативного сановника, «слишком мало проникнуты сознанием необходимости помогать духовенству в его религиозно-просветительной

[3] Драбкина Е.Я. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М., 1930. С. 37–38, 64.

[4] Письма К.П. Победоносцева к Николаю II. 1890–1902 гг. (Приложение) // Письма Победоносцева к Александру III. В 2 т. Т. 2. М., 1926. С. 298.

[5] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 14.

деятельности»[6]. О непонимании светской властью значения миссионерского дела говорил и иркутский архиепископ Вениамин (Благонравов)[7].

Различия во взглядах на политику в отношении иноверцев между представителями духовной и светской власти приводили к конфликтам, иногда весьма крупным и затяжным – например, между владыкой Вениамином, которого поддерживал Победоносцев, и двумя генерал-губернаторами – Восточно-Сибирским Д.Г. Анучиным и Приамурским А.Н. Корфом.

Владыка рисовал личность и деятельность Анучина в самых мрачных красках, обвинял его в покровительстве иноверцам в ущерб православному населению и в предательстве христианской веры. Вениамина возмущало, что генерал-губернатор при этом ссылался на «высшие государственные интересы», которых преосвященный «понимать не может»[8]. Анучин представлялся архиепископу как человек со «смутной» и «легкой» мыслью[9], либерал и нигилист, «неблагоприятно относящийся к распространению христианства» и желающий «привилегированного положения не христианам, а язычникам»[10]. По мнению владыки, он слишком часто и демонстративно выказывал свое расположение к ламам и ламаитам, что недопустимо для представителя власти православного государя[11]. «К несчастью,

---

6 Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1885 г. СПб., 1887. С. 57.

7 Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру. М., 1913. С. 142.

8 Частная переписка Высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского, с обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 1. С. 7; Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру… С. 162.

9 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1914. № 5. С. 171.

10 Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру… С. 160, 169.

11 Там же. С. 142; Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1915. № 17. С. 613.

– писал архиепископ, – угодливость… администрации по отношению к бурятам и, в частности, к ламам так хорошо известна вожакам их, что они давно перестали думать о существующих для них ограничительных законах». Такое положение, по убеждению Вениамина, могло вызвать в среде иноверцев «презрение к русскому имени», бунт или и вовсе опасные сепаратистские мечты о восстановлении «Чингисханова царства»[12].

Сам Д.Г. Анучин, хоть и любезничал с преосвященным при встрече, также не жалел нелестных отзывов. Своему преемнику графу А.П. Игнатьеву он говорил, будто у Вениамина настолько бурный характер, что с ним не удастся прожить в мире и пары дней, а по отношению к бурятам он яростный фанатик, готовый «всех сжечь на костре»[13].

Ключевой вопрос, по которому владыка рассорился с губернатором, было соотношение христиан и язычников в инородческих органах самоуправления Сибири. Вениамин энергично занимался этой проблемой еще с 1860-х гг., а в 1880-х гг. вновь активизировал попытки повлиять на ситуацию. Он утверждал, что состав начальства инородческих ведомств непосредственно влияет на успех христианизации. Там, где большинство родовых начальников (тайшей) – язычники, крещение принимают в десятки раз меньше. Им, по мнению владыки, просто выгодно удерживать подчиненных в «темном царстве» суеверий, ограждая, таким образом, собственный произвол от каких-либо попыток протеста. В ведомствах же, где начальствуют христиане, подчиненные крестятся намного охотнее, даже массово, выходят из «темного царства», становятся общественно сознательными и могут отстаивать свои права[14].

Больше всего притеснений от тайшей-язычников, по мнению Вениамина, терпели крещеные инородцы. Так,

---

[12] Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1914. № 1. С. 10.

[13] Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру… С. 181.

[14] Вениамин, архиеп. Иркутский и Нерчинский. Положение христиан в бурятских обществах под начальством язычников // Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. СПб., 1885. С. 22–24.

существенной проблемой было их безземелье. Они хотели приобщиться к «русскому образу жизни», им нужны были участки для «оседлого водворения», но языческое начальство либо вовсе не отводило им земли, либо отводило самые негодные для сельскохозяйственной деятельности территории[15]. В ведомствах, управляемых язычниками, инородцы-христиане практически не были представлены в сугланах (народных собраниях), степных думах и инородных управах, занимая мелкие писарские или караульные должности[16]. Принятие кем-то из подчиненных православия, по утверждению владыки, провоцировало жесткие карательные меры со стороны языческих начальников и лам – новокрещеного могли сделать изгоем в собственной деревне, отобрать у него ребенка и т.п.[17]

Поэтому Вениамин настаивал на том, чтобы «законом постановлено было избирать тайшей не иначе, как из христиан, и чтобы членов в степных думах, инородных управах и родовых управлениях из христиан было не менее, чем из язычников». «Если раскольники лишены права быть начальниками над православными, – заключал архиепископ, – то еще законнее ограничить власть язычников над православными инородцами». Кроме того, подчеркивал владыка, тайши должны в обязательном порядке знать русский язык, а при ротации должностных лиц христиане могут быть сменяемы только другими христианами. Результатом своего плана он видел распространение оседлого образа жизни, «гражданское преуспеяние» и «обрусение»[18].

Опасаясь обвинений во вмешательстве в чужую компетенцию, Вениамин решил действовать через центральную власть. Он попросил К.П. Победоносцева «обратить внимание кого следует… на этот предмет» и настоять на введении «христианского элемента в инородческое управление» перед руководителями

---

15 Вениамин, архиеп. Иркутский и Нерчинский. Указ. соч. С. 26–30.

16 Там же. С. 30–31.

17 Там же. С. 34–35.

18 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 1. С. 11–12; Вениамин, архиеп. Иркутский и Нерчинский. Указ. соч. С. 40, 42.

других ведомств[19]. Из Санкт-Петербурга пришло несколько запросов на имя Д.Г. Анучина с требованием предоставить сведения по данному вопросу – от министра государственных имуществ М.Н. Островского и министра внутренних дел графа Д.А. Толстого[20]. И губернатор повел дело в сторону, противоположную замыслу архиепископа.

Толстой, также скептически смотрящий на доводы преосвященного, планировал организовать специальную комиссию для обсуждения вопроса, включив в ее состав Островского, Анучина и Вениамина. Владыка убеждал Победоносцева подключить к делу двух известных миссионеров – Н.И. Ильминского и уфимского епископа Дионисия (Хитрова), чтобы противостоять возражениям губернатора. Анучин, в частности, отрицал притеснения крещеных бурят со стороны некрещеных и утверждал, что Вениамин не может привести ни одного убедительного примера подобных случаев. Кроме того, он опровергал жизненную необходимость земельных наделов для бурят, т.к. у них имеются обширные пастбищные пространства[21]. Губернатор долго затягивал дело, не давая ответов на министерские запросы и задерживая у себя бумаги со сведениями о положении крещеных инородцев, составленные Вениамином. В конечном итоге промедление Анучина сыграло на руку владыке: генерал-губернатор вышел в отставку, не успев убедить петербургские власти в собственной правоте, и сдал дела графу А.П. Игнатьеву, настроенному к проекту архиепископа и вообще к миссионерскому делу гораздо благожелательнее[22].

---

19 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 1. С. 11, 16.

20 Письма Вениамина, архиепископа иркутского… С. 167; Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 2. С. 44; Частная переписка… // Там же. 1913. № 3. С. 71.

21 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 3. С. 71–76.

22 Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 2. С. 43–44, 47; Об А.П. Игнатьеве см.: Частная переписка… // Там же. 1913. № 9. С. 263; Частная переписка… // Там

С А.Н. Корфом владыка Вениамин столкнулся по вопросам православного миссионерства. Как и в случае с Анучиным, архиепископ обвинял губернатора в пренебрежении интересами православия и покровительстве иноверию, а именно ламаизму[23]. «Барон Корф, – жаловался владыка Победоносцеву, – с… упорством идет в разрез всему, что может служить на пользу православию…», на что консервативный сановник отвечал следующее: «Барон Корф, к сожалению, многого не понимает в делах церкви и церковных отношений»[24].

При этом сам Корф, если судить по его письму К.П. Победоносцеву и телеграмме генералу Я.Ф. Барабашу, вполне разделял необходимость обращения сибирских инородцев-язычников в православие. С преосвященным и поддерживающим его обер-прокурором губернатор разошелся во взгляде на методы миссионерства, а также в том, каким образом представитель власти должен контактировать с иноверческим духовенством (Хамболамой и ламами).

Вступив в должность и прибыв во вверенный ему край, А.Н. Корф с удивлением восклицал в письме Победоносцеву: «…как это православная вера, в силу и могущество которой не могу же я не верить, живет не только бок о бок с идолопоклонством, но и среди него, и не только не может его побороть, но даже не имеет ни малейшего на него влияния?». Барон ссылался на «несомненные» ошибки администрации, духовенства и миссионеров и предлагал (правда, без какой-либо конкретики) обновленную «сознательную программу действий»[25]. В телеграмме генералу Я.Ф. Барабашу, который был отправлен как представитель губернатора на архиерейский съезд в Иркутске, Корф конкретизировал свои планы. Он призывал прекратить «разбрасываться средствами» и сосредоточить деятельность православной миссии в нескольких крупных пунктах, расположив их вдали от государственной границы, «где фанатизм слабее». Оттуда, сообразно его плану,

же. 1914. № 3. С. 87; Частная переписка… // Там же. 1914. № 5. С. 171; Частная переписка… // Там же. 1914. № 12. С. 404.

[23] Частная переписка… // Там же. 1914. № 23. С. 780.

[24] Частная переписка… // Там же. 1915. № 17. С. 610, 615.

[25] Частная переписка… // Там же. 1913. № 14/15. С. 433.

православие должно было в дальнейшем планомерно и «без промежутков» распространятся по всему краю. Также барон предостерегал против «раздражающих мер», из-за которых буряты могли бы откочевать за границу[26]. Для объединения усилий Корф хотел организовать совещание по инородческому делу, пригласив Вениамина и генерал-губернатора соседнего края А.П. Игнатьева[27].

Вениамин встретил предложения Корфа в штыки, восприняв их как нападки на православную миссию и найдя в них массу, по его мнению, вредного, абсурдного и невыполнимого. «Вместо ожидаемой помощи, – гневался владыка, – я встретил… только совет сократить почти до нуля уже существующую миссию…». «Сокращать миссию…, – полагал он, – значило бы показать бурятам, что само правительство против ее существования». По его мысли, большое число миссионерских станов повышало эффективность работы миссионеров (на этой же точке зрения стоял Н.И. Ильминский). Своих миссионеров Вениамин защищал со словами, что только неблагонамеренные люди могут опасаться за нарушение политического спокойствия края или бегство бурят за границу от их действий. По поводу избегания «раздражающих мер» против язычников архиепископ саркастически писал, что уже само существование православной миссии и христианской проповеди – «предмет фанатического раздражения» для нехристианского населения края. Христианизация края «без промежутков» представлялась Вениамину беспочвенным теоретизированием, ведь «и апостолы… не могли обращать всех сряду»[28].

Взаимоотношения разных «агентов» этноконфессиональной политики по проблемам народного просвещения складывались гораздо более мирно и удачно. Министр народного просвещения И.Д. Делянов, судя по всему,

---

[26] Частная переписка… // Там же. 1913. № 21. С. 675–676.

[27] РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 28; Письма Вениамина, архиепископа иркутского… С. 177.

[28] Частная переписка… // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1914. № 1. С. 7–10; Частная переписка… // Там же. 1914. № 12. С. 411; Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1895. С. 189–191.

разделял многие воззрения К.П. Победоносцева по вопросу политики в отношении нехристианского населения России. Однако он был человеком мягким, пассивным и нерешительным [Михеева 2022, с. 149–152], и поэтому провести инициативы через его ведомство иногда было затруднительно. Так, нерасторопностью Делянова были заторможены планы обер-прокурора по закрытию татарских мусульманских школ и устранению иноверцев из систем управления образовательными учреждениями[29]. Победоносцев сетовал, что «Иван Давыдович все обещает, но все делает или не делает его канцелярия»[30].

В других вопросах он мог быть инициативным – в частности, Делянов охотно содействовал распространению т.н. «системы Ильминского», направленной на распространения христианства и грамотности через инородческое образование на национальных языках. В 1884 г. обер-прокурор сообщал Ильминскому, что «о деле инородческих школ поднимается забота в Мин[инстерстве] Нар[одного] Просвещения»[31]. «Надо отдать справедливость Ивану Давыдовичу, – писал Ильминский Победоносцеву, – он значительно поднял в народных школах церковность… Вот и наши соображения относительно инородческого образования Иван Давыдович принял с сочувствием»[32]. Делянов помогал с изданием и распространением трудов Ильминского по применению русской азбуки к инородческим языкам[33]. Министр нередко обращался к консультациям казанского миссионера по своему ведомству – так, в 1884–1885 гг. он через Победоносцева настоятельно просил его приехать в столицу для совещания об учительских семинариях[34]. В 1890 г., когда Делянову предложили издать перевод русской истории на татарский язык для использования в татарских мусульманских школах, он счел возможным дать ответ только после получения рекомендаций Ильминского [Джераси 2013, с. 191–192].

---

29 РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 49, 51.
30 Там же. Л. 62.
31 Там же. Л. 20.
32 Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору… С. 262.
33 Там же. С. 42–43.
34 РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 25, 36.

Однако абсолютно бесконфликтным взаимодействие Синода, духовенства и миссионеров с ведомством народного просвещения назвать нельзя. Об этом говорит, например, случай Н.П. Остроумова и разгоревшиеся вокруг его фигуры споры. Этнограф и востоковед Николай Петрович Остроумов (1846–1930) был одной из знаковых фигур как для православного миссионерства, так и для русской ориенталистики и исламоведения конца XIX – начала XX вв. Выпускник противомусульманского отделения Казанской духовной академии, он получил ученую степень за «курсовое сочинение» о мусульманских пророках и сам несколько лет занимался миссионерством и подготовкой миссионерских кадров[35]. Затем в 1877 г. он уехал в Туркестан, где служил инспектором народных училищ, возглавлял местную учительскую семинарию и мужскую гимназию, а также редактировал газету «Туркестанские ведомости» и руководил любительским кружком археологов [Джераси 2013, с. 119, 126].

В связи с политикой «игнорирования ислама» («ни гонений, ни покровительства»), которой придерживался Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман [Котюкова 2016, с. 112–113], Остроумов был вынужден отойти от практического миссионерства и заняться организацией системы «туземного» образования, однако продолжал антиисламскую полемику на теоретическом «фронте». В 1883 г. он напечатал пространную статью «Что такое Коран?»[36], направленную против трех татарских мусульманских публицистов, которые предприняли попытку увязать ислам с идеями рационализма и прогресса.

Мало изменившееся при преемниках Кауфмана (Н.И. Гродекове, М.Г. Черняеве и Н.О. фон Розенбахе) индифферентное отношение туркестанской администрации к мусульманскому вопросу воспринималось Остроумовым негативно. Проводимая политика, с его точки зрения, не способствовала ассимиляции инородцев [Котюкова 2016, с. 114–116]. К тому же распоряжением

[35] Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору… С. 47–48.; Остроумов Н. Критический разбор мухаммеданского учения о Пророках // Миссионерский противомусульманский сборник. Вып. IV. Казань, 1874.
[36] См.: Остроумов Н. Что такое Коран? По поводу статей гг. Гаспринского, Девлет-Кильдеева и Мурзы-Алима. Ташкент, 1883.

местного начальства он был переведен из учительской семинарии, где активно и воодушевленно работал в окружении «родных» казанских «академистов» – студентов и выпускников миссионерских отделений – в новоучрежденную гимназию, которая совершенно не соответствовала его стратегии инородческого просвещения.

Остроумов пожаловался на сложившуюся ситуацию своему бывшему наставнику – Н.И. Ильминскому. Тот, в свою очередь, решил ходатайствовать за старого знакомого перед К.П. Победоносцевым. Именно из переписки Ильминского с обер-прокурором становится ясно, что Остроумов как самостоятельный «агент» этноконфессиональной политики попал в конфликт с местными представителями гражданской администрации, системы просвещения и православной церкви.

Во-первых, Остроумов разошелся с местными властями во взгляде на организацию образования в инородческой среде. Он считал, что для ассимиляции «туземцев» достаточно будет начального, а не гимназического образования. Кроме того, он настаивал на раздельном обучении сартов и киргизов, т.к. «сарты имеют прочно сложившийся мусульманский характер, тогда как киргизы народ еще свежий, как дети любознательный, переимчивый и восприимчивый; к ним можно еще привить русские понятия и симпатии»[37]. Записку по данному вопросу Остроумов подал Ф.К. Гирсу, ревизовавшему Туркестан в 1882 г.; ее черновую версию Н.И. Ильминский послал Победоносцеву вместе с одним из писем в защиту Остроумова[38]. Споры о народном просвещении, видимо, были настолько напряженными, что главный инспектор народных училищ Туркестанского края А.И. Забелин охарактеризовал Остроумова так: «…человек вредный, самого мятежного нрава, поддерживающий власть лишь дотоле, пока она под его влиянием, а в противном случае интригующий против власти», он «решается на всякую клевету и на всякую агитацию, дабы повредить людям, в коих не находит себе одобрения или поддержки». Причем основана была такая оценка его

[37] Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору… С. 75.
[38] Там же. С. 89.

деятельности, по мнению К.П. Победоносцева, на весьма веских фактах[39].

Во-вторых, он рассорился с местным духовенством. Сначала один из рядовых священников, а потом и сам туркестанский епископ Александр (Кульчицкий) передавали Победоносцеву «возмутительные случаи явного неуважения Остроумова к архиерейскому сану, к церкви и церковности…». Например, по их сведениям, он ответил грубым отказом на просьбу дать двух мальчиков из семинарии для участия в архиерейском служении, т.к. посчитал, что «неприлично им надевать стихири». В другой раз Остроумов якобы публично радовался, что Закон Божий в семинарии преподавал человек светского звания и «ряса не мозолила нам глаза»[40].

Победоносцев, находившийся в столице, в данной ситуации оказался в роли третейского судьи, но совершенно запутался в предоставленных ему противоположных сведениях, характеристиках и отзывах. С одной стороны, он полагал возможным списать конфликтность Остроумова на то, что «идеалисты известного типа, склонны погрешать неосмотрительностью или резкостью в речах при столкновении с людьми, коих они считают неспособными понять себя». С другой стороны, обер-прокурор считал, что, зная о его демаршах против представителей власти, «трудно отстаивать Остроумова»[41].

Таким образом, случаи архиепископа Вениамина (Благонравова) и Н.П. Остроумова, с одной стороны, показывают высокую роль человеческой субъективности и неформальных связей в межведомственном взаимодействии и практическом осуществлении этноконфессиональной политики. С другой (что более важно) – иллюстрируют принципиальное столкновение в этом вопросе нескольких экспертных групп: профессиональных миссионеров и педагогов с профессиональными управленцами. Попытки разрешения конфликтов через обращение к вышестоящим властям не давали особых результатов, поскольку и в петербургских кабинетах никогда не было единой «программы»

[39] РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 16–17.
[40] Там же. Л. 11–12.
[41] Там же. Л. 17.

управления имперским многообразием, а Победоносцев с его «идеалами нетерпимости» не обладал приписываемым ему безграничным влиянием.

ЛИТЕРАТУРА

Верт 2012 – *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской Империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.

Джераси 2013 – *Джераси Р.* Окно на восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.

Долбилов 2010 – *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с.

Драбкина 1930 – *Драбкина Е.Я.* Национальный и колониальный вопрос в царской России. М.: Коммунистическая академия, 1930. 189 с.

Зайончковский 1970 – *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 444 с.

Иллерицкая 2023 – *Иллерицкая Н.В.* «Имперский поворот» в изучении российской истории: современные интерпретации // Вестник РГГУ. Серия «История. Политология. Международные отношения». 2023. № 4. Ч. 2. С. 158–169.

Коллманн 2023 – *Коллманн Н.Ш.* Россия и ее империя. 1450–1801. СПб.: «Библиороссика» / Academic studies press, 2023. 783 с.

Корнилов 1993 – *Корнилов А.А.* Курс истории России XIX века. М.: Высшая школа, 1993. 446 с.

Котюкова 2016 – *Котюкова Т.В.* Окраина на особом положении… Туркестан в преддверии драмы. М.: Научно-политическая книга, 2016. 391 с.

Круз 2020 – *Круз Р.* За пророка и царя: ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.

Литвак 1989 – *Литвак Б.Г.* Русское православие в XIX веке // Русское православие: вехи истории / Науч. ред. А.И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989. С. 309–380.

Миллер 2021 – *Миллер А.И.* Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. // Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М.: Квадрига, 2021. С. 249–271.

Михеева 2022 – *Михеева Г.В.* Иван Давыдович Делянов. СПб.: Российская национальная библиотека, 2022. 206 с.

Сафонов 2017 – *Сафонов А.А.* Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М.: Проспект, 2017. 352 с.

REFERENCES

Geraci, R. (2013), *Okno na vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: Empire, Orientalism, Nation, and Religion in Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Dolbilov, M.D. (2010), *Russkii krai, chuzhaya vera. Ehtnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II* [Russian land, foreign faith. The empire's ethnoconfessional policy in Lithuania and Belarus under Alexander II], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Illeritskaya, N.V. (2023), " 'Imperial turn' " in the study of Russian history. Modern interpretations, *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, p. 2, pp. 158–169.

Kollmann, N.Sh. (2023), *Rossiya i ee imperiya. 1450–1801* [Russia and its empire. 1450–1801], "Bibliorossika" / Academic studies press, Saint Petersburg, Russia.

Kotyukova, T.V. (2016) *Okraina na osobom polozhenii… Turkestan v preddverii dramy* [The outskirts in a special position… Turkestan on the eve of drama], Nauchno-politicheskaya kniga, Moscow, Russia.

Kruz, R. (2020), *Za proroka i tsarya: islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii* [For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Litvak, B.G. (1989), *Russkoe pravoslavie v XIX veke* [Russian Orthodoxy in the 19th century], in Klibanov, A.I. (ed.), *Russkoe pravoslavie: vekhi istorii* [Russian Orthodoxy: Milestones in History], Politizdat, Moscow, Russia, pp. 309–380.

Mikheeva, G.V. (2022), *Ivan Davydovich Delyanov* [Ivan Davydovich Delyanov], Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, Saint Petersburg, Russia.

Miller, A.I. (2021), *Natsional'nyi vopros v imperii Romanovykh posle 1905 g.* [The National Question in the Romanov Empire after 1905], in Miller, A.I. and Solov'ev, K.A. (eds.), *Rossiiskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiyami, 1906–1916. Kollektivnaya monografiya* [The Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916. Collective monograph], Kvadriga, Moscow, Russia, pp. 249–271.

Safonov, A.A. (2017), *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii* [State and confessions in late imperial Russia: legal aspects of relationships], Prospect, Moscow, Russia.

Werth, P. (2012), *Pravoslavie, inoslavie, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiiskoi Imperii* [Orthodoxy, heterodoxy, infidelity: essays on the history of religious diversity in the Russian Empire], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Zaionchkovskii, P.A. (1970), *Rossiiskoe samoderzhavie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh – nachala 90-kh godov)*[Russian autocracy at the end of the 19th century (political reaction of the 80s – early 90s)], Mysl, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антон Е. Фатеев, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; fant2507@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton E. Fateev, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia,125047*;* *fant2507@gmail.com*

Поступила в редакцию: 06.05.2026
Поступила рецензия: 17.05.2026
Принята к публикации: 15.06.2026